

Кадровый отель PARK HYATT TOKYO побывала ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА

PARK HYATT TOKYO, 57-этажная стеклянная башня в районе Синдзюку, является мировым памятником не столько отельного, сколько голливудского киноискусства. Здесь на пространстве между 42-м и 57-м этажом (а именно на этих высотах располагается отель) разворачивается действие «Трудностей перевода» со Скарлетт Йоханссон и Биллом Мюрреем. С тех пор в ролях этих влюбленных, ставших или не ставших в итоге взаимно счастливыми, пробовали себя тысячи и тысячи международных туристов — американских, французских, итальянских, голландских, немецких и русских. Среди них, кстати, находятся и такие оголтелые романтики, которые приезжают в японскую столицу именно в этот отель исключительно для того, чтобы как следует «поиграть в любовном кино».

Итак, первый кадр: бар «Нью-Йорк», расположенный на верхнем этаже этого неприметного японского небоскреба (соседняя с отелем башня токийской мэрии с точки зрения архитектуры является более значительным объектом). Стиль «Нью-Йорка» — брутальный американский ар-деко, вечером — клубы, какой-то даже пар от сигарного дыма, рассыпающийся под гигантским потолком. Джазовый квартет пританцовывает на небольшой сцене — пожилая негритянская дама необъятных размеров и три худощавых англосакса (пианино, саксофон, барабан). Стук льда в стакане с виски, с джином, с водкой, с ромом, со сливовым вином, наконец. Японцы чутки к старым добрым европейским и американским традициям. Они свято поддерживают не только искусство Louis Vuitton, Chanel, Tiffany & Co., Hermes и Gucci. Японцы не менее трогательно, по-своему, как-то по-детски берегут и почти забытую атмосферу «эпохи между двумя войнами», этой главной коктейльной эпохи человечества. Нет в мире в большей степени аутентичного американского бара ар-деко, чем здесь в Токио, на 57-м этаже. Столик, за которым прошла первая судьбоносная встреча героев «Трудностей перевода», романтики бронируют за несколько дней. Читатель, вы, конечно, помните этот дебютный скомканный разговор. Героиня Скарлетт Йоханссон: «А вам уже исполнилось сорок лет? И как, вы уже купили Porsche?» Билл Мюррей неуверенно встряхивает стаканом с виски: «Да как раз думаю над этим». Стук льда в стакане. И говорить, кажется, больше не о чем. А так хочется что-то сказать человеку, который, кажется, готов выслушать. Но вместо слов стук льда.

Кадр второй: комнаты отеля, которых на самом деле немного — меньше, чем хотелось бы влюбленным всей планете. Так, есть номера с видом на старика Фудзи (а он с присущим торжеством вы-

валивается из пены белых облаков где-то в шесть утра), есть — на городские леса небоскребов. У Скарлетт Йоханссон окна комнаты (а вернее, не просто окна, а две сплошные стеклянные стены) выходили именно на лес небоскребов, а на них можно действительно смотреть до бесконечности. Для европейцев или американцев перемигивающееся царствие значков и иероглифов — это словно пейзаж в аквариуме. Ясно, что за стеклом жизнь какая-то принципиально удивительная, принципиально непрочтенная жизнь — но как же приблизиться к ней? Да и стоит ли это делать?

И вот сидит постоялец со своим виски в стеклянной башне Park Hyatt Tokyo и смотрит, смотрит на нижний, левый, правый, дальний, близкий, высокий, низкий Токио. Ничего ему не понятно, хоть три литра выпей. Многие, надо заметить, так и делают — на дверях номеров таблички «Не беспокоить» преобладают.

Хорошо известно, что номера в отелях Японии славятся своими крайне незначительными (если сравнивать с новыми и лучшими китайскими образцами) размерами. И это чистая правда, в Японии квартира в 40 кв. м считается невероятными буржуазными хоромами. Но в Park Hyatt Tokyo номера как раз созданы для тех, кто с детства привык к luxury-просторам Four Seasons. Когда в очередной раз нахлынет бессонница — вечная спутница японских путешествий, когда jet lag не уйдет даже после сеанса японской бани (а такая есть в SPA-центре отеля), тогда можно сесть на подоконник и смотреть на город. Можно лечь на пол в коврах. Можно — в двухместное джакузи с солями. Можно — на кровать, размеры которой дадут фору и известной в наших узких кругах кровати в президентском номере Barvikha Hotel & SPA. Можно вообще не выходить из этого номера. Хотя выйти стоит. Например, в большой японский ресторан отеля, который руководит молодой и пронзительно голубоглазый австрийский шеф, много

лет назад покинувший альпийскую страну штруделя ради красот токийского урбанистического рыбного рынка.

Итак, австрийский шеф лично разбудит постояльца в 4.30 утра (сделать это несложно, ведь в это время суток большинство путешественников, прибывших из Европы, Америки или даже Австралии, находятся в пограничном состоянии — между небом и землей, между виски и колой). И вместе они проследуют на рынок, где уже готов к пиру оркестр из морепродуктов. Токийский рынок тунца — великолепный туристический аттракцион, который хочется видеть еще и еще раз. В этом дремучем рыбном чреве видна совсем не та жизнь японцев, какой мы знаем ее сегодня. Нет здесь высокоточных технологий, научных разработок, передовых экспериментов. Из сложных приборов имеются только весы, на которые торговцы затаскивают своих гигантов — двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят килограммов. Затем постоялец и шеф Park Hyatt

Токио идут в небольшое, но уютное кафе прямо на рынке, где заказывают завтрак (первый, второй последует уже в самом отеле). Это суп из синих водорослей, пахнущее морем карпаччо из тунца, белый клейкий рис и японское пиво. Собственно, этих рыночных ингредиентов всегда хватает, чтобы пронзительно, отчетливо понять — жизнь открывается сейчас с лучшей стороны. Нужно отметить, что прогулка с разговорчивым шефом не обычный променад — в ходе путешествия этот опытный дрессировщик тунца выберет те продукты, которые потом, вечером, попадут к вам на стол.

Park Hyatt Tokyo в своем блистательном статусе «пяти звезд» — это не только мировой памятник голливудского киноискусства. И это не просто место встречи влюбленных или отчаявшихся. Это небоскреб, в котором может перевернуться вся ваша жизнь. Пусть не в этот раз, но, верьте, обязательно в следующий.

www.hyatt.com